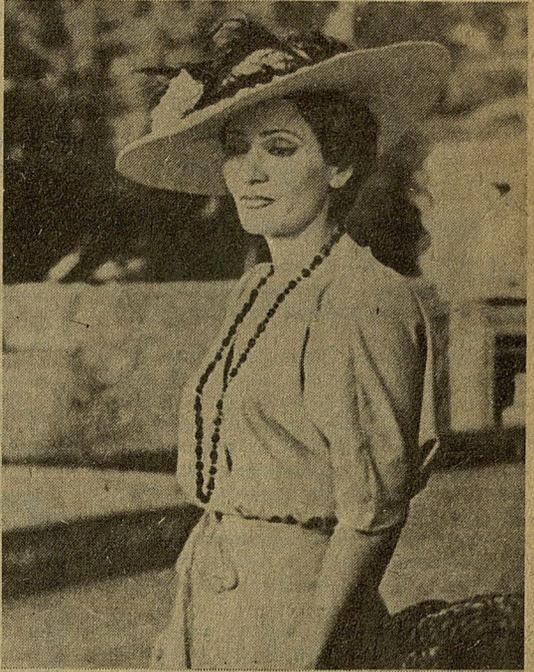


Встреча с интересным
человеком

Народная артистка
Грузинской ССР
Нани БРЕГВАДЗЕ



Когда слушаешь Нани Брегвадзе, попадаешь в сложный мир человеческих чувств. И в этом мире то бушуют страсти, то тихо ютятся грусть, то забьется, словно раненая птица, боль, то вдруг засквозит ироническая улыбка...

И все это — Правда, все это про Человека, про его жизнь, судьбу, надежды, никогда не уходящие, не умирающие надежды на лучшую долю, постоянное стремление к свету, добру. Все это — про Любовь, вечное человеческое чувство.

Нани Брегвадзе — редкой, как мне показалось, доброты и отзывчивости человек. И я сильно подозреваю, что именно эти черты ее характера, помноженные на талант замечательной певицы, играют не последнюю роль в том настроении, которое рождают в зрительном зале ее песни и романсы.

«НЕЛЬЗЯ ОТКАЗЫВАТЬ
ЧЕЛОВЕКУ В ПЕСНЕ»

— Нани, расскажите, пожалуйста, немного о себе, о том, как вы пришли к песне.

— В Грузии нет семьи, в которой бы не пели. И почти везде у нас любят и поют романсы, передавая эту любовь из поколения в поколение. Я пою с двух лет от роду. В шесть пела «Калитку», садилась к пианино и подбирала мелодию. Мама очень рада была, когда я пела «Калитку». Нет, не потому, что хотела, чтобы я обязательно стала певицей, но чтобы «Калитка» и другие романсы, добрые, нежные, умные, остались в моей памяти и сердце.

Сколько помню себя, в нашем доме звучала музыка...

После окончания школы и музыкального техникума поступила в консерваторию по классу фортепьяно, собиралась стать пианисткой. Когда училась на первом курсе, стала петь в самодеятельном оркестре Тбилисского политехнического института. Поехала с этим коллективом в Москву — на Международный фестиваль молодежи и студентов, стала лауреатом фестиваля. Затем пригласили меня в Государственный оркестр «Реро» под руководством Константина Григорьевича Певзнера. В «Реро» впервые спела «Калитку». Тогда, кажется, редко кто пел этот романс. С 1984 года — в ансамбле «Орера». Параллельно выступала и продолжала выступать в сборных концертах, пою грузинские песни, романсы. Много лет аккомпанирует мне Медея Гонглишвили, физик по образованию. Ко времени моего прихода в любительский коллектив политехнического института Медея окончила университет, была преподавателем в этом институте и активно участвовала в жизни оркестра. Тогда же мы подружились, и наша дружба длится вот уже много лет.

— Пианисткой вы так и не стали...

— Как видите. Окончила консерваторию... и поменяла профессию. Впрочем, главное — это то, что живу в мире музыки.

— Что воспитало вас как певицу, формировало ваши вкусы, привязанности?

— Конечно, консерватория, но образование, которое получила в юности. Немалое значение имеет и домашнее воспитание, то, что в традициях семьи; люди, окружавшие меня с детства. И моя мама, и тетя, киноактриса Нино Чхеидзе, и другая тетя, профессиональная певица Кето Микеладзе — они, естественно, следили за моим музыкальным развитием, всегда помогали, подказывали мне. И еще — небольшая «деталь»: жизнь, которая всегда формирует человека, его не только музыкальные, но и моральные, эстетические вкусы...

— А чье конкретно влияние вы испытали? Или продолжаете испытывать?

— Я не могу назвать какое-то конкретное имя. То есть у меня были и остаются исполнители, которых я очень люблю, преклоняюсь перед их талантом, но... того влияния, о котором вы говорите, не было. И сегодня я не испытываю чьего-либо влияния — по той простой причине, что медленно и очень трудно шла к сегодняшнему своему дню, через постижение собственно себя в песне. То есть я хочу сказать, что в каждом конкретном случае шла к песне от себя, от своего восприятия этой песни, своего понимания и толкования ее. И опиралась не на утвердившиеся традиции, а на свои собственные возможности, на то, что поняла в жизни, в человеческом характере, на свой опыт общения с песней, со зрительской аудиторией.

— И все-таки очень хочется назвать вас наследницей и продолжательницей традиций Клавдии Ивановны Шульженко на эстраде.

— Я считала бы себя счастливой, будь это так. Очень люблю нашу необыкновенную певицу, человека поистине легендарного. Легендарного потому, что Клавдия Ивановна единственной из певиц, да, пожалуй, вообще из коллектов эстрады, удалось — и с блеском! — прожить на концертной площадке более полувека. И это — выступать в одном из труднейших эстрадных жанров! И по-прежнему Клавдия Ивановна в строю, на правом его фланге. Семьдесят пять лет исполнилось недавно петь, и я, как и все, благодарна ей за ту радость, которую приносит ее замечательное искусство людям. У нее учимся мы многому и прежде всего верности песне, гордости к прекрасному и так необходимому людям делу.

— Вы помните свое первое выступление?

— Конечно. Это было на Международном фестивале молодежи и студентов в Москве. Памятно мне это выступление еще и тем, что после концерта подошли ко мне Цфасман и Утесов и сказали добрые слова.

— Скажите, пожалуйста, что в принципе отличает камерный жанр, жанр романса от всех остальных песенных жанров?

— Сначала я скажу о том, что роднит романс со всеми песенными жанрами. Романс — важнейший вид камерной вокальной музыки, но, знаете, как это ни парадоксально, слово «камерный» меньше всего подходит к слову «романс». Однажды я прочитала в энциклопедии, что «камерный» — это предназначенный для узкого круга слушателей, зрителей. (Смеется). Выходит, камерные концерты не выполняют своего буквального назначения, потому что «узкий круг» битком заполняет самые большие концертные залы. Это единственное, что роднит камерный жанр со всеми его музыкальными собратьями.

А отличает, по-моему, многое. И прежде всего его театральность, потому что в романсе много больше, острее, я бы сказала, драматичнее концентрируется человеческое чувство, человеческая мысль, и — я подчеркиваю — эти чувства, мысли всегда видоизменяются. То есть внутри романса заключено действие, происходящее в человеческой душе. А это уже театр! В небольшом романсе можно рассказать о человеческой судьбе. Вот что дороже всего мне в романсе. Именно по этому принципу я стараюсь подбирать репертуар.

— То есть тексту вы придаете едва ли не главное значение?

— (Улыбается). Нет, все-таки главное в романсе — это музыка, мелодия. Извините, я ведь певица, а не чтец. Текст — драматургия романса, то, о чем он. Но сам романс — понятие музыкальное. Идеально — это когда абсолютно по мысли совпадают драматургия и музыка. Тогда возникает возможность не только спеть, но сыграть человеческую судьбу, пережить ее, взволноваться, проникнуться ею, передать свое волнение в зрительный зал.

И еще одно, что отличает — и, по-моему, сильно — романс от обычной песни: возможность исполнителя исповедоваться в том, что волнует, болит в его собственной душе.

— Минуту назад вы сказали, что камерные концерты, вечера романсов всегда собирают аншлаги. Чем вы объясняете живой интерес современной публики к довольно-таки старинному жанру песенного творчества?

— Вот! В этом еще одна отличительная черта романса. Он всегда про человека. И каждый находит в нем что-то про себя, что-то из того, что волнует в жизни именно его, именно сегодня. Романс почти всегда и невольно обращает человека к его собственной судьбе, к тем часто трагическим коллизиям, которыми наполнена человеческая судьба. Именно через романс человек вновь может пережить и светлые, и драматические события своей жизни. Приятные это или неприятные воспоминания, но человек всегда тянется к ним, это в его природе, это диалектика. Вновь ощутишь, переживешь дразнящую сердцу волненья — так называемый вечный зов души... Что такое современная жизнь? Скорости, ритмы. И, как поется в одной песне, «некогда нам оглянуться назад». А ведь так порой хочется! И так надо! Вечер романсов — это не просто отдых от всей фантазмагории звуков, ритмов, скоростей, неожиданностей сегодняшнего дня. Это, если хотите, путешествие в собственную душу...

— Наверное, такие размышления в какой-то мере определяют вашу задачу — исполнительницы романсов?

— Не в какой-то мере, а абсолютно. И не только задачу на каждый концерт, выступление, а подсказывают, что и как петь. Как создать на концерте атмосферу доброты, доверительности, взаимопонимания. Что выбрать для исполнения, что бы возникла в зале взволнованность и происходило в человеческих душах очищение от скверны, просветленность. Без стремления к такому результату не имеет смысла выходить на сцену.

— Скажите, а что может помешать достижению такого результата?

— Компромисс. Компромисс певца со своим творческим и,

душевной потребностью. Когда он поет то, чего не хочет петь. Тогда нет его собственной взволнованности, которая и создает в известной мере атмосферу концерта.

— Нани, всем очень понравилась песня «Снегопад» в вашем исполнении. Как вы думаете, почему?

— Спросите об этом у мужчин.

— ?!

— Именно мужчины чаще всего просят исполнить эту песню.

— Опять же — почему, как вы думаете?

— Наверное, потому, что эта песня — про «слабый пол».

— Вы назвали песенный жанр одним из труднейших. Видимо, этим и определяется относительно недовольное пребывание певицы на эстраде. Если, например, сравнить с юбилеями, которые отмечают драматические актеры. Скажите, как продлить певцу творческую жизнь на эстраде?

— (Улыбается). Вовремя уйти с нее.

— Вы не раз гастролировали за рубежом. Какая встреча стала для вас памятной в этих поездках?

— Я была очень взволнована неожиданной встречей и знакомством со знаменитым французским певцом Шарлем Азнавуром. В 1964 году вместе с Московским мюзик-холлом была на гастролях в Париже, пела в «Олимпии». После концерта появился за кулисами Азнавур, подошел ко мне и тепло отозвался о моем выступлении.

Была, есть и навсегда останется в моей памяти первая встреча с человеком, которого я... никогда не видела. Слушаю записи Эдит Piaф и плачу, мне даже, бывает, плохо становится, настолько волнуют ее песни, полная драматизма судьба этой необыкновенной певицы.

— Скажите, Нани, есть у вас любимый романс, песня?

— Я стала выступать с сольными концертами, и в них всегда звучат «Калитка», «Капризная, упрямая...», «Снегурочка», «Левкой», «Горчит калина»... Появились в моем репертуаре «Ямщики», вещь прекрасная, и я всегда очень волнуюсь, исполняя этот романс.

— А теперь — на тему «дома и семьи». Своих гостей вы потчуете блюдами собственного приготовления? Что лучше всего удается вам?

— Все лучшее для домашнего стола... готовит моя мама. А я... так и не научилась хорошо готовить. Во всех остальных домашних заботах всегда стараюсь помочь маме. И занимаюсь домашними делами с удовольствием, очень люблю свой дом. Когда уезжаю на гастроли, всегда немного грустно оставлять маму, Тбилиси, друзей...

— У вас есть увлечения вне главного дела?

— Конечно. Пение. И очень люблю, когда друзья приходят ко мне в гости, люблю голоса в своей квартире.

— Конечно, друзья всегда просят спеть...

— И я всегда пою для них. Сколько они хотят, столько и пою. Нельзя отказывать человеку в песне, в радости.

— Случались ли в вашей жизни курьезы?

— Их было так много, что я сейчас не могу вспомнить ни одного.

— А розыгрыши? Вы разыгрывали кого-нибудь? Вас разыгрывали?

— Не люблю разыгрывать. Мне всегда очень жалко тех, кого разыгрывают. Даже если розыгрыш добрый, шуточный — все равно жалко...

— Что же, так и не вспомнили ни одного курьеза?

— Вспомнила... Это случилось, когда работала с Певзнером. Как-то должна была выступать в новых туфлях, а они, как это часто бывает, когда имеешь дело с новой обувью, немного жали. В ожидании выхода я сидела в тапочках. Да так и вышла на сцену. Певзнер увидел это сразу. Дирижируя, тихо сказал мне: «Поздравляю, ты поешь в домашних тапочках». За кулисами уже стоял кто-то с моими туфлями в руках, чтобы я тут же, в секунды, переобулась и хотя бы на поклон вышла в нормальной для сцены обуви. Но я вдруг проявила «принципиальность» и не стала надевать туфли: раз уж была в домашней обуви, в ней и выйду на поклон. И вышла.

— И никто из публики не заметил?

— Не знаю. Но модой это почему-то не стало.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.